

Дед отдохнул и стал сказывать про Добрыню Никитича. Это не то, что Дюк: и сказывание идет как-то по-другому — меньше улыбнется дед, меньше подмигивает глазами и морщинами. Только вот уж когда совсем нито развеселился — когда Добрыня на пиру у князя Владимира запел и в гусли заиграл. У деда такая улыбка по лицу пошла, как волна по тихому по тихому озеру при солнышке. Развеселился князь стольнокиевский, да ведь как:

Володимер-князь стал персты
пошелкивать,
Володимер-князь стал ножки
выкидывать...

<...> «Сокровище ты, а не дед», — хотелось крикнуть ему и расцеловать! А он руками развел, замолк, — устал, и словами досказал, что дальше было.

Знает он про Илью Муромца, а духовных стихов не знает: он настоящий сказитель: старины, песни, сказки знает, а те стихи дело каличе — слепеньких.

— А про Садко знаешь, дедушка?
— Слышал, а не знаю.
— А про Рахту Рагнозерского?

Про этого он знает, только «не сказывать», а рассказывать знает <...>

Черты великой художественной и духовной свободы народа явлены в старинах. Невозможно представить себе подмосковного мужика или владимирского рабочего поющим старины — не потому даже, чтоб они не могли научиться их петь (хотя и потому, конечно!), а потому прежде всего, что они нравственно, духовно, по состоянию своей нравственной личности не достойны петь старины, а вполне и как раз достойны тех обрывков шантанного репертуара и «народных» песен, открытых сцен, которые они и горланят так визгливо и горлопотно! По Сеньке и шапка, по певцу — песня. Перед «сознательным» рабочим Иваново-Вознесенска, перед московским мужиком, читающим по утру скандальную «Газету-копейку», и перед русским интеллигентом с университетским дипломом и верой в Дарвина и Геккеля — Коломаев — аристократ, господин своего слова, прямой и свободный — «взыскательный художник», не теряющий суеты ни в жизни, ни в искусстве.

Предисловие и публикация
В.Г. СМОЛИЦКОГО
(Москва)

УСТЬЯНСКИЕ СКАЗКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ И ЛЕГЕНДЫ

(к 120-летию краеведа М.И. Романова)

Публикуемые сказки и бывальщины собраны известным краеведом М.И. Романовым на реке Устье в 1926—1929 гг., ныне это Устьянский р-н Архангельской обл. Рукопись М.И. Романова сейчас находится в Санкт-Петербурге, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (отдел фольклора, коллекция М.И. Романова, № 66).

Устьянские волости известны издревле. Так, здесь, в крестьянской среде, был создан свод законов, который впоследствии стал именоваться Судебником царя Федора Иоанновича 1589 г., превратившись в общерусский законодательный кодекс. Жизненный уклад населения Устьянских волостей отличался стабильностью как в экономике (земледелие, извоз, промыслы), так и в художественной культуре (узорное ткачество, «красная» вышивка, набойка, резьба и роспись по дереву и бересте, лудильное мастерство).

Интересна фигура собирателя местного фольклора Михаила Ивановича Романова. Он родился в с. Дмитриево Вельского уезда Вологодской губ. 15 февраля 1886 г. в семье народника Ивана Михайловича Романова. Учился в Тотемской семинарии. В 1915 г. добровольно отправился на фронт, попал в немецкий плен, оттуда бежал и в 1919 г. вернулся в Россию, в Мурманск, занятый белогвардейцами и интервентами. Здесь он примкнул к подпольной большевистской организации. Участвовал в восстании 1920 г. по освобождению Кольского п-ова от белогвардейцев. С 1920 г. посвятил себя преподаванию истории, немецкого и английского языков в школах д. Мехреньги, с. Дмитриева, с. Черевкова, сельскохозяйственного техникума в г. Вельске. В начале 1920-х гг. спас архив Дмитриевской волостной избы (документы XVI—XVII вв.), который сейчас хранится в Санкт-Петербургском институте истории РАН. Автор книги «История одного северного захолустья» (Великий Устюг, 1925). В 1937 г. был арестован и осужден на 10 лет за антисоветскую пропаганду. После освобождения в 1947 г. работал учителем в с. Пезма Вельского р-на.

Почти все работы М.И. Романова остались в рукописях и до сих пор ждут своего исследователя. Среди них «Словарь устьянских говоров», «Северная волость», «История устьянских волостей», «Список мужских и женских имен Устьянского края», «Фольклор реки Устья», автобиографическая повесть «По ухабам жизни». Они хранятся в рукописных отделах ИМЛИ (Москва), ИРЛИ (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, в краеведческом музее Вельска, в архиве его невестки Л. Т. Романовой в Туле.

М.И. Романов умер 19 июня 1956 г. Похоронен на родине, в с. Дмитриевском.

Мы представляем читателю несколько текстов из рукописи «Фольклор Устья».

СКАЗКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ

О лешем-оборотне и старичке

Вот, бывали и живали, раньше было: был-жил старик. Он в лес ушел, поставил избушку, живет там да Богу молитца. Долго он раз молился. Вот, у ёво под окошочком малинкой парничек ревёт. Вот старицек и думает: «Што жо мне сделать? Принести парничка в избу али нет?» Здумал принести парничка. Принёс в избушку. Стал он парничка кормить. Стал у ёво парничек расти не по дням, а по часам. Вырос парничек. Стал ёво старицек учить. Выуцил хорошо. Стали оне в церковь ходить, молитвы пить. Все молитвы хорошо поёт парничек, только воскресны молитвы не можот. Как запоют воскресну молитву, он в шшыль заползёт.

Вот, поглянулась парничку на деревне одна девка. Пришли домой, он и стал у старицка проситьца жонитьца. Старицек согласилса. Сосватались. Пиво заварили. Старицек пошел звать на свадьбу сестер. А у ёво было три сестры.

Пришел к первой сестре, позвал на свадьбу, рассказал всё про парничка. Сестра посулилась. Он к другой пришел. Та тожо посулилась. Вот и к третьей пришел. Всё рассказал. Она тожо посулилась. А как он пошел домой, сестра ему и говорит:

— Ты не той дорогой поди домой-то. Есь от нас дорога ближе.

Старицёк пошел этой дорогой да и заблудился. Блудил, блудил по лесу, стало темнатыца. Видит — дом стоит. Он в этот дом зашел. Неково в доме нет. Он стал за пещку. Маленько времени прошло, и набежало в дом лешаков. Вот, и ёво сын прибежал. Тут жила ёво мать. Мать и спрашивают:

— Где ты был?

— А был я у старица.

И рассказал, как у старика живет да как ладит свадьбу редить! Мать и говорит:

— Ну ладно, што двоих приведешь.

— Приведу. Да надо домой бежать, надо там пиво покараулить.

Вот он и убежал. Мужичёк тожо потихоньку вышел да за им и пошел. Пришел домой. Назавтрие был какой-то праздник. Оне пошли в церковь. Перед обидней этот старицёк пошел к попу и говорит:

— Вон, эвоно, тот парень-от: как станут воскрёсну пить, дак он в шшыль уползет. Он лешацей породы. Надо ёво там в шшыле-то уморить.

Вот, надошла обидня, стали воскрёсну пить. Он и запоуз в шшыль. Поп нацал молитвы пить. Он и запишшал там. Попишшал-попишшал да и умер там.

(Зап. у Василя Федоровича Рогачева, д. Кырканда).

Про Петрушу, топорик-самосек, киргу-ботыгу² и ручеек

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь, у ёво был сад. В том саду было дерево — некакие дроворубы не могли сжечь ёво. Он дал по всем странам извисьё: «Хто это дерево сживет и колодец выкопает, за тово доць отдам и полцарства, и при смерти все царство отдам. А хто не срубит да колодца не выкопает, дак голова с плец.

Много рубщиков рубило. Как хто не придёт дерево рубить, только искры литят — нецёво не могут сделать. Вот у одново мужика было три сына. Младшой был Петруша — мальчик с пальчик, которой столь был велик, што к отцу в сапоги спать опомещалса. Стали Петрушины братья сряжатьца дерево срубить, стал Петруша у братьев проситьца:

— Пустите, братья, меня с вами!

— Куда ты, Петруша, пойдёшь? Срубит царь тебе голову.

— Нет, братья, хто знает, кому наперед царь голову срубит.

— Ну, давай, пойдём!

Шли братья дорогой, слышат —

кто-то рубит. Петруша говорит братьям:

— Пойдёмте, братья, посмотрим, хто там рубит?

— Нет, не пойдём мы.

Петруша говорит:

— Я один пойду, посмотрю, хто там рубит, а вас догоню.

— Ну, поди один, а мы не пойдём.

Вот пошел Петруша лесом один; шол, шол — видит: один топорик дерево секёт. Подошел Петруша и говорит:

— Здорово, топорик!

— Здорово, Петруша, только я до тебя и сёк. Возьми меня!

Петруша взял топорик и пошел, и братьев скоро догони. Пошли опять дальше. Идут-идут, цуют, хто-то в лесу долбит, как детель. Петруша опять говорит братьям:

— Пойдёмте, хто там долбит?

— Што там, разве детьля не слышал?

— Я один пойду.

— Поди.

Вот опять Петруша пошел, подходит и видит: кирга-ботыга гору долбит. Петруша подошел и говорит:

— Здорово, кирга-ботыга!

— Здорово, Петруша, только я до тебя и долбила. Возьми меня!

Петруша взял киргу и пошел к братьям, догони, и пошли дальше.

Вот оне подошли к руцейку. Петруша говорит:

— Братья, пойдёмте, откуль этот руцейк бежит, посмотрим.

— Нет, Петруша, мы не пойдём.

— Я один пойду.

Вот пошел Петруша, видит: руцейк бежит из раковины. Подошел Петруша и говорит:

— Здорово, руцейёк!

— Здорово, Петруша, только я до тебя и бежал. Возьми меня!

Петруша взял раковину и побежал догонять братьев.

Пришли к царю. Вот старшой брат стал сряжатьца дерево рубить. Рубил, рубил, ни церта не мог срубить. Царь ему срубил голову.

Назавтрие стал средней брат рубить дерево, ни церта не мог срубить. Царь и тому голову срубил.

На третьей день стал Петруша у царя проситьца. Царь ёво не присваиват:

— Куды ты экой малинькой?

Петруша всё-таки проситца. Царь согласилса:

— Ну руби давай!

Петруша вышел в ограду к дереву и говорит:

Михаил Иванович Романов. Фото 1920-х гг.

— Топорик, руби!

А сам на травку лёг да и лежит. Топорик нацал сапать дерево — только шепы литят. Дерево слитело, а топорик всё рубит да рубит. Пока Петруша в травке спал, топорик всё рубил, всё дерево в мелки шепы изрубил. Петруша пошел к царю и говорит:

— Срубил дерево!

— Ну, дак топере выкопай колодец.

— Указывай, где копать.

Царь ему указал место. Петруша наоставил киргу-ботыгу, а сам на травку лег, спит. Кирга-ботыга начала долбить, только комьё политело. Проснулся Петруша, взял киргу-ботыгу, пошел к царю, спрашивает:

— Глубоко али мелко?

Царь посмотрел да и говорит:

— Глуби хватит, а как воду-то напустишь? Надо, штобы вода сама из колодца шла.

— Ладно, напушу воды, не рад будешь.

Положил Петруша раковину к колодцу.

— Ручеёк, налей воды!

А сам на травку лёг, спит. Ручеек бежал, бежал, полон колодец воды набежал, и по саду вода разлилась, и Петруша цуть не утонул. Взял он раковину, пошел к царю.

— Хватит ли воды?

Царь забранилса:

— Эстолько напустил, дак убери, обсуши сад!

Петруша надоставил киргу. Кирга сейчас конаву выкопала. Вода вся конавой сбегала, сад обсох. Вот пошел Петруша к царю:

— Ну, давай топере доць!

А царю неохота было отдавать за Петрушу. Он и говорит:

— Есь у нас в лисе багатырь. Он много у нас лесу губит. Ты ёво выжи-ви из лесу.

Петруша пошел в лес. Вот он пришел к багатырю. Багатырь ёво увидел и говорит:

— Зачем жо ты пришел?

— А пришел я к тебе лес рубить. Весь лес у тебя вырублю.

— Как жо ты вырубишь, экой маленькой?

Петруша вынял из сумки топорик и говорит:

— Руби, топорик!

Топорик нацал рубить, только вершины замелькали. Багатырь говорит:

— Ну, ладно, порубили, топере позавтракать надо. Поди-ко, Петруша, да веди-ко быка на завтрак.

Петруша ушел, ссёк березу да дерёт лыки. Багатырь ждал-ждал да не мог дожатыца и побежал к Петруше, и говорит:

— На што ты лыка дерёшь?

А Петруша говорит:

— Вот я лык надеру да верёвок наделаю, да целое стадо свяжу, да и приволоку, цем по одному-то быку таскать.

Багатырь не стал дожидатыца, побежал в стадо, схватил одново быка за хвос, сдёрнул с ёво кожу, приволок быка к огню, а Петруше кожу подаёт, велит по воду сходить. Взял кожу Петруша и пошел к реке, едва кожу волокёт. Пришел к реке, вынял киргу-ботыгу и говорит: «Долби конаву!» Багатырь подождал и побежал, прибежал к Петруше и говорит:

— Што ты, Петруша, долго воды не несёшь?

— А цем цасто ходить, дак я целу рипцу проведу.

Багатырь схватил кожу, зацерпнул и понёс воду, вылил в котёл, мясо склад, сварил. Стали обедать. Петруша хлебнёт два раза, а багатырь — один. Стали из-за стола, Петруша и говорит:

— Ну, топере делай то, што я буду делать.

Петруша взял ножик.

— Ну, смотри, я буду брюхо пороть.

Взял сумку, розрезал. Всё вывалилось из сумки. Багатырь говорит:

— Лучше пойду я с тобой в браться, а брюх пороть не стану.

Вот оне и пошли. Пришли к царю. Петруша и говорит:

— Ну, топере отдавай царевну.

Царю делать нецево — надо отдавать, а отдавать неохота. Ну, да што делать — надо отдавать! Вот назоватрие и свадьбу средили: у царя ни пиво варить, ни вино курить — всё есь.

Старой царь умер, стал Петруша царём.

(Зап. у Василия Федоровича Рогачева, д. Кырканда).

Как парень у лешего женился

В одной деревне жили мужик да баба. У их был сын Григорей. Вот Грише исполнилось 20 лет, и он задумал жонитьца. Сколько он не сваталса, а высватать не мог. А не мог потому, што мать у ёво была оцун зубатая³, и потому за Гришу не идут невесты. Вот раз Гриша с товарищами Тишкой да Мишкой пошли в другую деревню на вецёровки. А до деревни было вёрсты три. Гриша отстал от товаришшей, идёт один и думает:

— Жизнь жо моя несчасная — не могу я невесты натти. Топере я хоть у лешеве дак бы жонилса.

Только што он это подумал, идет ёму настрицу старицёк в сером зипуне, в красном кушаке.

— Што ты сейцас думал?

А вот што я думал, — отвичеёт Гриша. — Што я топере хоть у лешеве дак жонилса бы.

— Хорошо, — говорит старицёк, — пойдём со мной!

— Пойдём, — говорит Гриша.

Вот оне и пошли. Дошли до болота. Стоит смолёвой пень. Вот и говорит старик Грише:

— Скидывай крёс⁴ да пояса.

Гриша говорит:

— Нет у меня ни крёста ни пояса.

— Ну дак пойдём.

Вот оне подходят к ограде, а в ограде стоит бульшой двух-ятажной дом. Вдруг выбегаёт двянатцет слуг, подхватывают их под руки и ведут в верхней ятаж. Тут старик подходит к столу и говорит:

— Закуски и выпивки третьёво сорту!

Вдруг на столе поевилось цёво душа жалаёт. Вот старик и говорит:

— Ну, Григорей, садись, выпей да закуси, а сейцас приведут и невесту. Сёводни посмотришь, а если пондравитца, то приходи завтра сватать.

Вот Григорей посидел, поговорил, и она ёму оцун пондравилась.

— Хорошо, — говорит Гриша, — ожидайте меня завтра сватом.

Тут ему и говорит старик:

— На-ко, Григорей бутылочку, да угости своих товаришшей.

Взял Гриша бутылочку и пошел на вецёровки. Приходит, а товаришши давно ёво ждуть и спрашивают, где он был. Он им сказал, што ходил к лешому, смотрел невесту и што она ёму оцун пондравилась. Спрашивает:

— Пойдите ли со мной завтра на сватаньё?

Оне говорят, што идти согласны. Гриша выпоил им лешову бутылочку. Вино им шибко поглянулось. Ноцевали, назоватрие собрались и говорят:

— Што жо, робята, пешком идти свататыца нехорошо, а на коне ехать — коня как бы лешей не отобрал.

Мишка и говорит Грише:

— Вот што ты сделай. У моёво отца есь воронко, едва ноги волочит. Отец с ёво шкуру хотел снимать. Дай ёму трёшник, он одас.

Вот Гриша сходил, купил коня за трёшник, привел домой и поставил ко крыльцу. Пока в избе сряжались, конь такой сделался хорошей, што только берегись: ногами и землю бьёт, шея дугой, хвос трубой.

А мать у Гриши бегаёт по деревне да ревет:

— Гриша-то у меня у лешово жонитца, лешащиху приведет. Лешащиха меня убьёт уж.

Вот наши робята собрались и поехали. Доехали опеть до смоливого пня. Гриша и говорит:

— Скидывай, робята, крёсты да ремни!

А робята говорят:

— У нас их и нету.

Косомолы, поди вишь, были-то.

Вот оне подъехали к дому. Выбежали двянатцет слуг, подхватили их под руки и увели во второй ятаж. Выходит старик, поздоровалса и стукнул кулаком по столу, говорит:

— Закуски и выпивки второво сорта!

На столе появилось цёво душа жалаёт. Вот посадил он наших робят за стол, угошшаёт. Привели невесту, посадили рядом с жонихом. Угостил старик робят как следуёт и говорит:

— Вот вам сукна на три тройки. Есь в Заруцевьё⁵ швец. Он вам сошьет скоро. Да вот ишшо тебе, Григорей, дам денёг. Ты приводи отца в город. Пушшай он наберет к свадьбе цёво нужно. А завтра приезжайте по невесту.

Тут Григорей распроштался со стариком и нивестой и поехал домой. Из дому послал отца в город с деньгами — закупить што надо на свадьбу. Сам тем временем пошел к портному в Заруцевье. Портной говорит:

— Давно у меня роботы нет. Рад я работе. Три тройки я живо сошью. Ложись спать. Пока спишь — готово будет.

Гриша лег спать. Проснулся — три тройки готовы. Заплатил деньги за роботу и домой пошел.

Той порой отец Гриши съездил в город, всёво навез, целой воз. Стали пекци да стряпать, к свадьбе готовитьца. Вот дожили до вечеря. Гриша с товаришшами стали собиратьца по нивесте ехать, одили новые тройки, запрегли воронка и поехали. Приезжают к двух-ятажному дому. Выбегаёт дванатцеть слуг, подхватывают их под руки и ведут наверх. Выходит дедко, поздоровалса цесь цесью и садит их за стол, стукнул кулаком по столу:

— Закуски и выпивки первово сорту!

Поевилось на столе цёво душа жалаёт. Потом привели нивесту. Посадили, выпили и закусили, и стали собиратьца к венцу.

— Ну, спасибо тебе, Настасья, за твою службу. Дарю тебе сундуцёк с приданым, — говорит дед. — А тебе, Григорей, изготовлена коляска. Поезжайте, да ежели што неладно случитца, то только скажи: «Где дедко? Пушшай россудит верой-правдой».

— Ну, дедушко, — говорит Григорей, — приезжай на свадьбу.

— Хорошо, — говорит дед, — если надо мы на свадьбу, дак станёшь заходить домой в избу, дак махни левой рукой. Двери с петель слитят. Зайдёшь в избу, опять махни рукой. Все окна вылитят. Тожно мы придём. Только увидите нас ты с товаришшами, а больше некто не увидит.

Вот Григорей выходит на улицу. Видит — стоит коляска, вся золотом звеёт. Сили жоних с нивестой в коляску. Тишка да Мишка сили на биседку и поехали. Приезжают к церкви, а народу наехало со всей волости, хто в санях, хто в крёслах, а хто и на дровнях. Всем охота посмотреть, как лешаковна венцетьца будёт. Вот молодые вышли из коляски, ушли в церковь. А Тишка да Мишка остались коляску хранить.

Вот в то времё, как молодые венцелись, подъезжает богатой купец и говорит:

— Хто это приехал? Кони мои и коляска моя.

А Тишка да Мишка похаживают да кулаками помахивают:

— Ну-ко, подойди до хозеина, дак мы тебе покажем.

Вот выходит жоних с нивестой из церкви. Купец на Григорья накинулса:

— Где ты все это взял? Кони мои и коляска моя.

А Григорей говорит:

— Где дедко? Пушшай россудит верой-правдой.

Вот идет старицёк в сером зипуне, в красном кушаке.

— Да ты што крычишь, разе не видишь, што доць твоя выходит замуж? Ты помнишь, как она была семи лет, подавала тебе стакан пива и разбила, ты иё проклял? После тово я иё взял и воспитал, а топере за хорошово цёловека замуж отдал.

— Дац это моя Настенька? — говорит купец. Дац тоуды нецёво не жалко. Кати боцку сороковку вина на свадьбу.

А старика как не бывало.

Вот приехали домой, пиром и за свадебку. А дедка Гриша вызывал на свадьбу. Как окна да двери политили — народ испугалса, да потом нецёво. Славно зажил Гриша с Настенькой. Снацали был за прикашшыка у тес-тя, а после сам торговать стал.

(Зап. у Николая Васильевича Абрамова, д. Кырканда).

Пыхтелка

Жили-были старик да старуха. У них были Ванька да Манька. Старик да старуха поехали в город и наказали:

— Не ходите, Ваня да Маня, в погреб.

Уехали. Ваня и говорит:

— Пойдём, Маня, в погреб, возмём репки.

Маня не пошла, а Ваня убежал в погреб один по репку.

А Пыхтелка и говорит:

— Не Ванька ли идёт, не за репкой ли идёт, и не схамкать ли мне, да не сцавкать ли мне?

Съела Ваньку.

Маня ждала-ждала, сама пошла в погреб. А Пыхтелка говорит:

— Не Манька ли идёт, не по Ваньку ли идёт, не схамкать ли мне да не сцавкать ли мне?

Съела и Маньку. Приехали старик да старуха, а робяток нет не которово.

(Зап. в 1926 г. у Елизаветы Дмитриевны Рогачевой, д. Кырканда).

Про братца Иванушка да сестрицу Марьюшку

Жили-были братец Иванушко да сестрица Марьюшка. У их батько да мати умерли. Оне пошли к царю. Вот Иванушко захотел пить. Стоит коньско копытцо, а в копытце — водыца. Иванушка и говорит:

— Марьюшка, я напыюсь?

— Нет, Иванушко, не пей — будешь конь, меня олегнёшь.

Пошли дальше. Стоит коровье копытцо, а в копытце водыца. Иванушко опять говорит:

— Марьюшка, я напыюсь?

— Нет, Иванушко, не пей — будешь быцёк, меня забодёшь.

Опять идут. Стоит поросецье копытцо, а в копытце водыца.

— Марья, я напыюсь? — Иван баёт.

— Нет, Иванушко, не пей — будешь поросёнок, меня отсекешь.

Идут дальше. Стоит козлиное копытцо, а в копытце водыца. Иван не стал спрашивать, припал, напилса да и сделалса козликком. Дошли оне до царя. Марья пустила брата в угородец, а сама пошла к царю в ызбу.

Вот она и стала жить у царя. У царя был сын. Он и жонил этово сына на Марьюшке, а сам умер. А Марьюшка сделаласа царицей да забыла своёво братца.

Вот уехал иё мужик за море воёвать. Пришла к Марье Яга-бова и говорит:

— Фу-фу-фу, Марьюшка, дай-ко решотце муцки!

Только стала Марья подавать, та схватила иё за руку, выдернула из окошка, привязала камень да борону и бросила в море.

— Это за то тебе, Марьюшка, што забыла братца Иванушка.

Борона тенёт к верху, а камень к низу. Так и топере плават.

(Зап. у Федосьи Ипатовой).

ЛЕГЕНДЫ

Сотворение мира

Жили два брата: Бог да Сотона. Жили оне в одной избе, а наголо ссорились. Вот и здумали оне мир творить. Што Бог сотворит, Сотона тому назло што-небудь худое сотворит. Бог скот сотворил разной, а Сотона сотворил паутов, да комаров, да мух разных, штобы скот кусали, да волков, да мидвидей, штобы скот поедали. Бог птиц сотворил, штобы этех паутов, да мух, да цервей поедали, а Сотона сотворил змей да сыцей, штобы тех птиц

поедали. Вот так всё друг другу назло и творили.

Надошла очередь. Бог сотворил цёловека. Сотворил да сам спать лег, а цёловекам наказал, штобы из избы не выходили. Сотворёно-то, видно, много было сразу. Вот спит Бог, храпит, только гром гремит.

А с Сотоной-то у ёво ошшо до цёловека роздилёнсь было. Тот всё напокась делат, дак Бог ёво из избы-то выгонил. Тот в погребѣ жил.

Вот Сотона подкралса, отворил двери в ызбу да и баёт:

— Охти мне, люденьки, бежите-ко на улицу-то. Коль здись баско⁶ да хорошо: птички поют, цветочки цветут.

Ну, как подурняя-то, дак и побежали. А Сотона стал за ободверинку с топором. Как мимо ёво коей цёловек побежит, он ёво тюкнёт да тюкнёт промеж ног. Издыроватил цёловиков и баёт:

— Будьте вы бабами, делайте всё назло мужикам.

Встал Бог, поханькал, поханькал, да делат нечево. Прилепил он остальным людям по шишке да и говорит:

— Затыкайте бабам дыры, плодите новых людей.

(Зап. у Василия Анатольевича Паршина, д. Березник).

Сотворение бабы

Сотворил Бог Адама. Тому тоскливо стало. Стал у Бога бабы просить. Бог было отговаривалса, отговаривалса да и согласилса. Вот уснул Адам. Бог вынял у ёво рёбро, хотел из ёво бабу сотворить. Да захотел в это времѣ до ветру. Положил Бог рёбро, сам убежал за кусты. Бежала мимо собака, увидала рёбро, сцапила и побежала. Бог выскоцил из-за куста, побежал за собакой, схватил иё за хвос. Собака рванулась. Хвос оторвалса. Бог и говорит:

— А ведь всё равно. Мясо за мясо сойдѣт. Взял да и сотворил Еву из собацѣво хвоста.

Примечания

¹ *Редить (рядить)* — здесь 'праздновать'.

² *Кирга-ботыга* — кирка-мотыга.

³ *Оцун зубата* — очень злая, бранливая. — *Примеч. М.И. Романова.*

⁴ *Крѣс* — крест.

⁵ Этим географически определяется место происхождения сказки, а именно д. Заручевье Устьянской волости. — *Примеч. М.И. Романова.*

⁶ *Баско* — красиво.

Предисловие и публикация
В.И. ЩИПИНА
(Москва)

Е.В. АКЕЛЬЕВ

МОСКОВСКИЕ МОШЕННИКИ В XVIII В.: КЛИЧКИ, ЯЗЫК И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

В последние годы усилился интерес российских исследователей к изучению современных субкультурных традиций¹, в частности тюремной и преступной субкультуры². В связи с этим возникает задача исторического анализа возникновения и эволюции этого исторического явления. Однако ее решение затруднено отсутствием исторических сведений о преступной субкультуре, относящихся к XVIII в. и более раннему времени. Поэтому большой интерес представляют источники, сложившиеся вокруг личности Ваньки Каина³. Анализ этих источников позволяет утверждать, что к середине XVIII в. в Москве уже сложилась особая преступная субкультура, представители которой использовали специальный воровской язык и известные в своем кругу воровские клички.

Как не раз отмечалось в литературе, воровской язык является важнейшим элементом преступной субкультуры. При этом конспиративная функция является не единственной и даже не главной функцией воровского языка: «Жаргон служит и своеобразным паролем, средством опознания "своего" человека в отличие от остальных ("врагов", жертв)»⁴; «Основная функция воровского аргоса — это "функция пароля", функция принадлежности к данной социальной группе»⁵.

Первым письменным памятником России, в котором впервые зафиксирован воровской язык, является жизнеописание Ваньки Каина (так называемая «автобиография») ⁶, которое еще при жизни Каина распространялось в рукописях, а затем до конца XVIII в. многократно переиздавалось⁷. Воровская лексика, которая содержится в данном произведении, по большей части отно-

сится к преступной сфере, иначе обозначая те слова и понятия, которые напрямую связаны с ремеслом мошенника. Так, вместо слова «вор» здесь говорится *брат нашего сукна*⁸. «Отправиться на воровство» обозначается как *пойти на черную работу* (с. 46), «украсть» — *поработать* (например: «поработал в маленьком бауле денег 340 рублей», с. 53), а «мошенничать» — *подавать милостыню* (с. 46). Вместо «украсть что-нибудь из кармана» говорилось *пошевелить в кармане* (с. 82). Орудие грабителя кистень назывался *гостинец*, а вместо «ударить кистенем» говорили просто *угостить* (с. 64). Частую жертву мошенника, пьяного человека, называли *сырой* (с. 54). Вместо слова «тревога» здесь употребляется выражение *мелкая раструска* (с. 51). Особенности названия имеют места, куда вор старался не попадать: тюрьма — *каменный мешок* (с. 56); застенки — *немшона баня* (с. 48); Тайная канцелярия — *Стукалов монастырь* (с. 47). Здесь также приводятся целые словосочетания, которые, предположительно, употреблялись в стандартных для мошенника ситуациях. Например, вместо «товарищ попался в тюрьму, нужно скорее дать взятку, чтобы его освободили» говорится: *овин горит, а молодильщики обедать просят* (с. 59).

Многие выражения воровского аргоса, бытовавшие в преступной среде XVIII в. и зафиксированные в жизнеописании Каина, были записаны собирателями и в XIX в.⁹

Неотъемлемым атрибутом преступной субкультуры были и остаются воровские клички. «Принятие клички — необходимый акт перехода в воровскую среду (своеобразный "постриг")». Каждый вор имеет свою кличку и никогда ее не меняет, с ней не расстаётся¹⁰, — писал Д.С. Лихачев о воровской среде 1930-х гг.

Почти все проходившие по делу Ваньки Каина мошенники на распросах называли свои клички. Сле-

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АКЕЛЬЕВ,
аспирант Российского гос. гуманитарного
университета (Москва)